

**КРИТЕРИЙ НАИБОЛЕЕ ТЕСНОЙ СВЯЗИ  
И ЕГО СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ  
ДОГОВОРНЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ**

**Павловский В. О.**

*преподаватель кафедры гражданского права, юридический факультет,  
Белорусский государственный университет,  
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь,  
vilen675@gmail.com*

**Аннотация.** В исследовании на основе сравнительно-правовой методологии анализируются нормативные подходы различных правовых систем к закреплению содержания принципа наиболее тесной связи. В основу анализа положено исследование функций принципа наиболее тесной связи в договорной сфере.

**Ключевые слова:** гибкое регулирование; принцип наиболее тесной связи; презумпции принципа наиболее тесной связи; метод коллизионного регулирования.

**THE PRINCIPLE OF CLOSEST CONNECTION  
AND ITS SUBSTANTIVE TERMS  
CONTRACT PRESUMPTIONS**

**Pavlovsky V.**

*Lecturer of the Civil Law Department, Faculty of Law,  
Belarusian State University,  
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus,  
vilen675@gmail.com*

**Abstract.** On the basis of comparative legal methodology, the study analyzes the legislative approaches of different legal systems to fixing the concept of the principle of closest connection in contract law.

**Keywords:** flexible regulation; the principle of the closest connection; the function of the principle of the closest connection; the method of conflict of laws control.

Анализируя международный конвенциональный формат правового регулирования принципа наиболее тесной связи в международном частном праве (далее – МЧП), следует исследовать

систему факторов-презумпций как выражение содержательных условий критериев тесной связи. Плюрализм подходов и требований, закрепленных в презумпциях тесной связи, требует оценки по степени воздействия на общественные отношения, осложненные иностранным элементом, по видам и типам договорных отношений. В данной работе на основе методологии сравнительного правоведения проведено исследование особенностей презумпций принципа тесной связи и их содержания сквозь призму различных нормативных актов по мере их развития. Основная цель исследования: проследить эволюцию принципа наиболее тесной связи и систему его критериев – как выражение направления развития коллизионного регулирования.

Международно-правовой формат закрепления презумпций тесной связи изначально был нормативно не уточнен, и носил характер общего абстрактного критерия. Например, Конвенцией о кодексе поведения линейных конференций 1974 г. [1] определено, что применяется право, которое наиболее тесно связано с совокупностью обстоятельств; тесная связь была выражением универсального критерия. Впоследствии процессы нарастающей экономической регионализации обусловили выработку системы генеральных презумпций, в контексте которых отражены критерии определения применимого права на основе принципа тесной связи. Генеральная коллизионная презумпция, содержащаяся в ст. 8 Гагской конвенции о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров 1986 г. [2], основана на критерии деловых отношений между сторонами. Статья 3 Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге 1988 г. использует критерий связи с обстоятельствами, которые известны сторонам [3]. Статья 2 Конвенции УНИДРУА по международным факторинговым операциям 1988 г. отражает критерий предполагаемых обстоятельств [4], а ст. 9 Межамериканской конвенции о праве, применимом к международным контрактам, 1994 г. основана на критерии учета субъективных и объективных элементов контракта [5]. В данных источниках правового регулирования мы видим зарождение генеральной коллизионной функции критерия наиболее тесной связи, однако все еще существующая

определенная экономическая, политическая правовая, культурная разрозненность участников конвенциональных форматов наносили свой тормозящий отпечаток на универсализацию презумптивных договорных критериев.

Впоследствии обрстая эмпирическим базисом и практикой применения с последующим скрытым гармонизирующим эффектом в обслуживаемых правовых системах, данные конвенции существенно повлияли на изменение функциональной роли принципа наиболее тесной связи и отразились на формах закрепления презумпций в национальных кодификациях, механизм применения которых также изначально имел общий (абстрактный) характер, то есть презумпция закреплялась в общих положениях конкретного нормативного акта и регулировала весь спектр гражданско-правовых отношений. Например, абстрактная презумпция тесной связи отмечена в общих руководящих началах §1 Федерального Закона Австрии «О международном частном праве» 1978 г.

«Содержащиеся в законе отдельные правила и применимом правопорядке (отсылочные нормы) рассматриваются как выражение этого принципа» [6]. Схожая формулировка – в ст. 41 Гражданского кодекса Португалии 1966 г. (недействующий закон) [7]. Важно подчеркнуть, что отдельные коллизионные нормы имели проявления принципа наиболее тесной связи с неустановленными объективными презумптивными критериями, которые могли бы предопределить более широкий ход развития принципа наиболее тесной связи.

Однако существенные изменения, вызванные общей регионализацией стран Европейских сообществ, внесли новые условия для функционирования принципа тесной связи. Так п. 3 ст. 4 Конвенции о праве, применимом к контрактным обязательствам 1980 г. (Римская Конвенция) [8], сформировал презумптивный коллизионный подход, основанный на квалифицирующем признаке осуществления исполнения, являющегося характерным для конкретного договора, в котором реализация общего подхода имела три вида содержательной характеристики презумпций, вытекающих из условий теории *characteristic performance*:

1) содержательные условия (презумпции определяли квалифицирующие признаки осуществления исполнения, являющегося характерным для конкретного договора);

2) субъектные условия (презумпции указывали на связь со страной стороны, осуществляющей исполнение);

3) временные (интемпоральные) условия (презумпции указывали на связь с той страной, в которой сторона имела в момент заключения договора свое местожительство или центр управления).

Данный подход отражения презумпций, основанный на проявлении теории характерного исполнения, плавно перетек в наднациональный формат функционирования критерия наиболее тесной связи. Так, в Регламенте № 593/2008 Европейского парламента и Совета ЕС о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам 2008 г., (далее – Регламент «Рим» I) [9] в ст. 4 п. 3 нормативного акта произошел отказ от принципа наиболее тесной связи как презумпции. Правотворцем были выдвинуты вперед жесткие коллизионные нормы. Вместе с тем принцип наиболее тесной связи стал выполнять субсидиарную функцию и функцию корректирующей оговорки, которые требовали учета гипотезы норм материального права.

В дальнейшем перечень условий изменялся по мере процессов коммунитаризации (europeanisation) МЧП в рамках Европейского Союза (далее – ЕС). В п. 50 Регламента (ЕС) 2016 г. № 1104 «О расширении сотрудничества в сфере юрисдикции, подлежащего применению права, а также признания и исполнения решений по вопросам имущества партнеров, проживающих в зарегистрированном партнерстве» в отношении применимого права в случае отсутствия соглашения партнеров о выборе применимого права, отмечено, что выбор права зависит от доказательств сторон, которые обоснуют тесную связь с другим государством, и его законами. Иными словами, объективные презумпции связи ставят в зависимость от субъектных, временных (интемпоральных) и интерпретационных содержательных условий [10].

Проект Регламента Европейского парламента и Совета о праве, применимом к внешним эффектам уступки требования 2018 г.,

(далее – проект Регламента о праве, применимом к внешним эффектам уступки требования) [11] относительно вопроса о применимом праве ориентируется на коллизионную гибкость в контексте принципа правовой определенности. Коллизионные нормы, касающиеся предмета регулируемых отношений (трансграничной уступки требований), касаются двух трансграничных элементов, относящихся к *lex causae*:

1) договорного элемента, который связан с обязательствами сторон по отношению друг к другу;

2) имущественного элемента, который затрагивает передачу имущественных прав по требованию.

Анализ положений ст. 20 проекта Регламента о праве, применимом к внешним эффектам уступки требования показывает, что предсказуемость необходима для защиты права третьих сторон, заинтересованных в приобретении правового статуса по уступленному требованию. В то же время ст. 28 проекта Регламента о праве, применимом к внешним эффектам уступки требования указывает, что гибкость должна предоставляться при определении права, применимого к внешним эффектам уступки требований в отношении секьюритизации с тем, чтобы удовлетворить потребности всех секьюритистов и способствовать расширению трансграничного рынка секьюритизации [11]. Как видно из приведенных актов, общеевропейское договорное законодательство пропитано компромиссными идеями, колеблющимися между правовой определенностью и коллизионной гибкостью. Тогда как последняя (гибкость) служит поливариантным способом выражения коллизионных привязок, через систему презумптивных требований, в которых заложен учет правореализационного материального аспекта.

Национально-правовой формат презюмирования тесной связи имеет особенности, например Федеральный Закон Швейцарии «О международном частном праве» 1987 г [12] (далее – Швейцарский Закон о МЧП), находящийся в сфере экономического влияния Европейских сообществ на заре доктринальной разработки, безусловно, впитал в себя элементы конвенционального формата Римской Конвенции 1980 г. [9], апробировав коллизионный подход, реализованной через механизм принципа наиболее тесной связи с элементами

теории характерного исполнения, идентичный Римской Конвенции 1980 г., с небольшими исключениями.

В качестве генеральной презумпции в ст. 117 Швейцарского Закона о МЧП, согласно нормам которого если стороны не избрали применимое право, к договору применяется право государства, с которым он имеет наиболее тесную связь, договор считается имеющим наиболее тесную связь с государством, в котором сторона, обязанная совершить предоставление, определяющее существо обязательства, имеет место обычного пребывания, а если договор заключен при осуществлении профессиональной или коммерческой деятельности – место делового обзаведения.

Под предоставлением, определяющим существо обязательства, в частности, понимается: предоставление отчуждателя в договорах об отчуждении имущества; предоставление стороны, передающей вещь или право в пользование – в договорах о пользовании вещью или правом; предоставление услугодателя – в договорах поручения, подряда и других договорах об оказании услуг; предоставление хранителя – в договоре хранения; предоставление гаранта или поручителя – в договорах гарантии и поручительства.

Таким образом, система частных презумпций как объективная коллизионная индивидуализация по видам правоотношений и типам договоров позволила расширить функциональное поле принципа наиболее тесной связи. Частные (уточненные) презумпции отражены в ст. 52 Закона Лихтенштейна «О международном частном праве» 1996 г. [13], ст. 3082 Гражданского кодекса Квебека (*Code civil du Québec*) 1991 г. [14], ст. 2.637 Закона Румынской Республики применительно к регулированию отношений международного частного права 1992 г. (в настоящее время отменен) [15], схожий подход отражен в п. 5 ст. 9 Закона Нового Южного Уэльса о выборе права 1993 г., (закон о частном праве Австралии) [16], ст. 8 (1) Закона Японии об общих правилах применения законов 1898 г. (*Act on General Rules for the of Application of Laws*) [17]. Основным модельным актом, несомненно, явились положения Римской Конвенции 1980 г., однако существенным различием является разный формат презумптивных критериев, влияющих на перечень функциональных ролей принципа тесной

связи в конкретной юрисдикции. Парадоксально прозвучит тезис о существенном влиянии процессов европейской интеграции на правовую систему Китая [18], в которой принцип наиболее тесной связи впервые был отмечен в ст. 145 Общих положений гражданского права Китая 1986 г. (наданный момент вступили в силу новые положения от 1 октября 2017 г.), ст. 126 Закона КНР «О договорах» (принят 15 марта 1999 г.) [20]. Имея установленный широкий презумптивный подход с оттенком стремления законодателя положить гибкое регулирование в канву принципа предсказуемости и определенности с помощью механизма теории характерного исполнения.

Наиболее широкое развитие содержательных условий презумпций тесной связи с учетом теории характерного исполнения получило в Российской Федерации. Так, например ст. 1211 Гражданского кодекса Российской Федерации 1994 г. (далее – ГК РФ) [21] закрепляет генеральную презумпцию места жительства или основного места деятельности стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора с последующей трансформацией частных презумпций по видам связи и типам договора с определением существенного значения для содержания конкретного договора.

В данном случае имеется концептуальное единство с наиболее передовыми презумптивными подходами в контексте применения механизма *escape close* (избавительная оговорка), отмеченного в общеевропейском подходе (п. 3 ст. 4 Регламента Рим I). В определенных случаях такой механизм может предоставлять суду право (условия расширения коллизионной вилки) отклониться от предписаний из конкретной коллизионной нормы в пользу применения права страны, иллюстрирующей значительно более тесную связь со спорным отношением. Например, в соответствии п. 9 ст. 1211 ГК РФ [21], если из условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела явно вытекает, что договор более тесно связан с правом иной страны, чем та, которая указана в предыдущих положениях этой статьи, то подлежит применению право страны, с которой договор наиболее тесно связан. Более того, в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации 2019 г. № 24 «О при-

менении норм международного частного права судами Российской Федерации» разъясняются особенности учета и поиска корреляционных факторов по двум основным направлениям презумптивных условий с широкой интерпретационной палитрой [22].

Первой группой факторов (презумптивных условий) являются условия наиболее преобладающей территориальной связи различных элементов правоотношения с правом конкретного государства. К особо важным элементам относятся: место жительства и гражданство сторон – физических лиц; основное место деятельности и место учреждения сторон – юридических лиц; место нахождения обособленного подразделения юридического лица, участвовавшего в заключении договора; место нахождения объекта гражданских прав, место исполнения обязательств.

Второй группой факторов (презумптивных условий) служат материально-правовые; как следует из текста разъяснения, суду следует ориентироваться на применение права той страны, которая позволит наилучшим образом реализовать общепризнанные принципы гражданского права и построения отдельных его институтов (в данную категорию входят принципы *lex benignitatis*, запрет использования шиканы, стремление соблюдения принципа *bona fide*, принципа предпочтительности сохранения действительности сделки и др.) [22]. Данные положения говорят о том, что вектор принципа наиболее тесной связи направлен на анализ материальных условий. Иными словами, происходит медленная подмена заранее установленных презумпций связи в пользу анализа выявленных материальных факторов, подлежащих учету при определении права, имеющего наиболее тесную связь с правоотношением. Такой способ отражения коллизионных факторов говорит о материализации презумптивных условий и критериев установления тесной связи.

В основе содержательных характеристик презумпций тесной связи, наряду с тремя вышеназванными, появилась четвертая характеристика, имеющая четкую материально-нормативную основу, выраженную стремлением реализовать общепризнанные принципы гражданского права в различных правовых системах (*bona fide*, запрет использования шиканы, принцип *lex benignitatis*)

современности в зависимости от субъекта и типа гражданско-правового отношения. Иными словами, существенное значение для решения коллизионного вопроса судом (арбитражем) имеет анализ материальных норм (последствий) того или иного принимаемого решения для сторон спора; такой методологический подход выбора права мы именуем как применение гипотезы норм материального права.

Подводя итоги дискуссии, следует отметить, что квалифицирующими признаками осуществления исполнения, являющегося характерным для конкретного договора, в котором реализация общего подхода имеет несколько видов содержательной характеристики презумпций (перечень основных условий), имеет:

1) содержательные условия (презумпции, определяющие квалифицирующие признаки осуществления исполнения, являющегося характерным для конкретного договора);

2) субъектные условия (презумпции, указывающие на связь со страной стороны, осуществляющей исполнение);

3) временные (интемпоральные) условия (презумпции, указывающие на связь с той страной, в которой сторона имела в момент заключения договора свое обычное местожительство или центр управления);

4) материальные условия (презумпции, указывающие на связь с той страной, которая наиболее полноценно и выгодно реализует закрепленные материальные последствия и принципы международного частного права).

Данный перечень условий, составляющих содержание презумпций, является прерывистым балансом основных характеристик критериев тесной связи и служит содержательным показателем того или иного выбора применимого права. В теории коллизионного регулирования, выбор права, основанный на эклектике различных содержательных презумптивных критериев (в том числе материальных) описывается как «правовой микс» (Rechtsmix), подразумевая, в том числе и учет основных содержательных условий, приведенных выше.

Стоит подчеркнуть, в целях уяснения понятия «материализация», что в определенных ситуациях принцип наиболее тесной

связи выступает в качестве общего руководящего начала, предоставляя правовую основу для урегулирования всей взаимосвязанной группы общественных отношений наиболее тесно связанным правом в аспекте требований публичного порядка, а это говорит о существенном влиянии принципа тесной связи на результат правоприменения. Например, §187 Свода о конфликте закона США (The Restatement Third of Conflict of Laws) 1971 г. [23], п. 1. ст. 7 Римской Конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам 1980 г. [9], ст. 11 Межамериканской Конвенции о праве, применимом к международным контрактам 1994 г. [5], п. 1 ст. 19 закона Швейцарии [12], ст. 3079 Кодекса Квебека [14] имеют требования учета публичных императивов страны, с которой правоотношение наиболее тесно связано. Это наводит на тезис о том, что принцип наиболее тесной связи, являющийся универсальным центром выражения коллизионных требований, служит ограничителем принципов *lex voluntatis* и *ordre public* и является объективной закономерностью взаимодействия различных национальных правовых систем в договорном праве. И, несмотря на тот факт, что существенным различием в понимании коллизионных подходов является различная коллизионная методология доктрин, на которых основаны способы разрешения коллизий в вышеназванных нормативных актах и, следовательно, в правовых семьях: характерного исполнения в романских и доктрины локализации в англосаксонских системах, через которые реализуются презумпции наиболее тесной связи. Принцип наиболее тесной связи устраняет противоречия, которые возникают уже на стадии анализа соотношения вышеназванных доктрин, позволяя взаимодействовать правовым системам путем соотношения материального и коллизионного регулирования в нормативном срезе.

Безусловно, методологическое взаимодействие не предоставляет лишь один принцип тесной связи. Обеспечение устойчивых связей выполняет совокупность принципов. По нашему мнению, такую совокупность представляют принципы коллизионного приоритета: *lex voluntatis* – автономия воли; *lex connectionis fermitatis* – принцип наиболее тесной связи; *ordre public* – публичный порядок.

Расширение перечня условий договорных презумпций говорит о стремлении субъекта правотворчества лавировать между принципами коллизионной гибкости, правовой определенности и предсказуемости. Компромиссным решением данной задачи является корреляционный механизм учета свойств различной правовой природы факторов, лежащих в содержательной структуре конкретного правоотношения и его гравитационных индикаторов, основанных на принципах коллизионного приоритета с учетом материальных последствий для субъекта права.

Функционирование критерия тесной связи без установленной презумпции с широким спектром нормативно закрепленных факторов связи указывают на точку абсолютного коллизионного равновесия; такое равновесие обеспечивается путем системного взаимодействия принципов коллизионного приоритета, в то время как жесткие коллизионные предписания формально создают асимметрию выбора.

Расширение функционального поля в аспекте выполняемых задач критерия тесной связи и ухода данного механизма от узкого перечня установленных открытых презумпций образует широкую палитру коллизионного выбора в различных нормативных единицах, основанных на гармонизирующих, имплементирующих, коммунарных эффектах, где принцип тесной связи служит основным методом формулирования коллизионных требований.

В настоящий момент существенное различие понимания критерия наиболее тесной связи как привязки и принципа в договорной сфере лежит в плоскости нормативного закрепления, перечня функциональных ролей и механизма действия в конкретной юрисдикции. Анализировать принцип наиболее тесной связи в развитии коллизионного регулирования можно исходя из широкого перечня условий. Мы проанализировали лишь содержательные условия презумпций в договорных правоотношениях в наиболее значимых правовых системах современности.

#### ***Список использованных источников***

1. Конвенция о кодексе поведения линейных конференций [Электронный ресурс] : Женева, 6 апр. 1974 г. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2540282>. – Дата доступа: 07.12.2024.

2. Гаагская конвенция о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров : Гаага, 22 дек. 1986 г. // Отдельные виды обязательств в международном частном праве / отв. ред. В. П. Звеков ; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М. : Статут, 2008. – С. 379–389.

3. Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге : Оттава, 28 мая 1988 г. // Договорное право в международном обороте / Н. Г. Вилкова. – М. : Статут, 2002. – С. 488–500.

4. Конвенция УНИДРУА по международным факторинговым операциям [Электронный ресурс] : Оттава, 28 мая 1988 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900403>. – Дата доступа: 13.11.2023.

5. Межамериканская конвенция о праве, применимом к международным контрактам [Электронный ресурс] : Мехико, 17 марта 1994 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/9760972>. – Дата доступа: 13.11.2023.

6. Unternehmensberatung, A. §1 IPRG (IPR-Gesetz), Grundsatz der stärksten Beziehung [Electronic resource] // Jusline : Recht. Schnell. – Mode of access: <https://www.jusline.at/gesetz/iprg/paragraf/1>. – Date of access: 18.08.2023.

7. Международное частное право. Иностранное законодательство / сост. и научн. ред. А. Н. Жильцов, А. И. Муранов. – М. : Статут, 2000. – 892 с.

8. О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам [Электронный ресурс] : регламент (ЕС) Европ. парламента и Совета, 17 июня 2008 г., № 593/2008. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu>. – Дата доступа: 13.11.2023.

9. Конвенция о праве, применимом к контрактным обязательствам : Рим, 19 июня 1980 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901889343>. – Дата доступа: 13.11.2023.

10. Осуществление расширенного сотрудничества в области юрисдикции, применимого права, признания и исполнения решений по вопросам имущественных последствий зарегистрированных партнерств [Электронный ресурс] : регламент (ЕС) Европ. парламента и Совета, 24 июня 2016 г., № 2016/1104 // EUR-Lex. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/homepage.html>. – Дата доступа: 21.12.2024.

11. *Bazinas, S. V.* The law applicable to third-party effects of assignments of claims: the UN Convention and the EU Commission Proposal compared [Electronic Resource] / S. V. Bazinas // *Uniform Law Review*. – Vol. 24, Issue 4. – P. 609–632. – 2019. – Mode of access: <https://doi.org/10.1093/ulr/unz032>. – Date of access: 21.12.2024.

12. SR 291 Über das Internationale Privatrecht (IPRG) [Electronic resource] : Bundesgesetz vom 18 dez. 1987. – Mode of access: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19870312/index.html#a15>. – Date of access: 13.11.2023.

13. Code civil du Québec [Electronic resource]. – Mode of access: <http://ccq.lexum.org/ccq/>. – Date of access: 12.09.2023.

14. Закон Лихтенштейна о международном частном праве 1996 г. [Электронный ресурс] // Высш. шк. экономики. – Режим доступа: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/042801>. – Дата доступа: 12.09.2023.

15. Закон Румынии применительно к регулированию отношений международного частного права 1992 г., № 105 [Электронный ресурс] // Высш. шк. экономики. – Режим доступа: <https://docs.google.com/viewer?docex=1&url=https://pravo.hse.ru/data/2017/12/28/1160673600/ЗАКОН%201992%20г.%20№%20105%20применительно%20к%20регу.й%20международного%20частного%20права.pdf>. – Дата доступа: 12.09.2023.

16. Закон Нового Южного Уэльса о выборе права 1993 г., № 94 [Электронный ресурс] // Научно-учебная группа «Современная конструкция международного частного права» . – Режим доступа: <https://docs.google.com/viewer?docex=1&url=https://pravo.hse.ru/data/2015/10/21/1079468824/Австралия%201992-1993.pdf>. – Дата доступа: 12.09.2023.

17. Act on General Rules for the of Application of Laws : Law of Japan, June 21, 2006, № 78 // Scribd [Electronic resource] . – Mode of access: <https://ru.scribd.com/document/256101085/JapanApplication-of-Laws>. – Date of access: 13.10.2023.

18. Общие положения гражданского права Китая 1986 г. [Электронный ресурс] // Высш. шк. экономики. – Режим доступа: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/060601>. – Дата доступа: 12.09.2023.

19. Закон Китайской Народной Республики о применении права к гражданско-правовым отношениям, выходящим за пределы одного государства : 28 окт. 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hk.lexiscn.com/law/interpretation-of-the-supreme-peoples-court-on-several>

issues-concerning-the-application-of-the-law-of-the-peoples-republic-of-china-on-foreign-related-civil-relations-i.html. – Дата доступа: 13.11.2023.

20. Contract Law of the People's Republic of China [Electronic resource] : Law of China, March 15, 1999. – Mode of access: <https://u.to/mV5KFw>. – Date of access: 13.10.2023.

21. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья [Электронный ресурс] : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.: одобр. Советом Федерации 14 нояб. 2001 г.: в ред. Федер. закона от 26 нояб. 2001 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2024.

22. О применении норм международного частного права судами Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, 9 июля 2019 г., № 24 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2024.

23. The Restatement Third of Conflict of Laws [Electronic resource]. – Mode of access: [https://www.ali.org/media/filer\\_public/62/26/62269cac-1b96-4b11-9c75-8f9f43d2be39/pages\\_from\\_conflict\\_of\\_laws\\_pd\\_2\\_online.pdf](https://www.ali.org/media/filer_public/62/26/62269cac-1b96-4b11-9c75-8f9f43d2be39/pages_from_conflict_of_laws_pd_2_online.pdf). – Date of access: 13.11.2023.